

Ши Циншань лишь строил догадки, пока не думая кого-нибудь в них посвящать. Ши Цинчжоу же столкнулся с реальной дилеммой. Самоубийство Фан Цюхуа не вязалось с известным положением дел, поэтому, боясь оплошать, императрица направила в форт Тяньинь теневых стражей с секретным донесением для Его Величества.

Лун Сяюань не ожидал сего исхода. Слишком уж быстро предатель короны распрощался с жизнью. Да еще и посредством самоубийства. В это сложно было поверить, но Цинчжоу никогда бы не стал шутить чем-то подобным.

Обдумав свои дальнейшие действия, император пошел на хитрость. Сперва он рассказал о смерти свергнутого главы форта Сюй Ю. Юноша так и замер на некоторое время, после чего опрометью понесся искать Фан Шояна, сообщил новость, и слово в слово передал последние слова Фан Цюхуа.

Наследник форта понимал, что вставший на путь предательства отец рано или поздно плохо закончит, знал, что печальный день настанет, но не думал, что дело решится так скоро. Кроме того, его свободолюбивый, сильный духом и телом отец решил закончить все так? Самоубийством...

Фан Шоян прикрыл глаза. В груди молодого человека образовалась сосущая пустота. Тоска по ушедшему окутала душу. Сюй Ю стоял рядом и видел печаль возлюбленного. Хотел что-то ему сказать, но передумал. Выждал. И, в конце концов, Фан Шоян сам открыл глаза.

— Не волнуйся, я в порядке. Я должен сообщить об этом матери, она должна знать... Кроме того, эти слова, мне всегда казалось, что если отец решит закончить жизнь по собственной воле, то уйдет молча. А это...

Сюй Ю очень хотел поддержать возлюбленного, открыл рот, но передумал. Кивнул погрузившемуся в невеселые мысли молодому человеку:

— Хорошо, я вернусь к себе.

— Береги себя, — неожиданно надрывно вздохнул наследник форта.

Сюй Ю вымучено улыбнулся:

— Не волнуйся за меня, какие у меня могут возникнуть проблемы? При мне все еще императорские стражи.

Уголки губ Фан Шояна дрогнули в намеке на улыбку. Не сдержавшись, он протянул руки и сжал возлюбленного в крепких объятиях. Сюй Ю только и мог, что прижаться в ответ. Так они некоторое время и стояли, делились друг с другом теплом. Но дела не ждали, Фан Шоян выпустил юношу из рук.

— Несмотря ни на что, помни, у тебя все еще есть я. Неважно, что случится, я всегда буду на твоей стороне.

Улыбка Фан Шояна вышла робкой, трагичной, но очень доброй. Он кивнул верному любовнику, и Сюй Ю улыбнулся в ответ. Взгляд юноши сиял.

— Все непременно уладится, поэтому, пожалуйста, не волнуйся так сильно. Все обязательно будет хорошо. — Сюй Ю постарался произнести это непоколебимо. Постарался сделать эти простые полные надежды слова клятвой.

И Фан Шоян внял его словам. Все еще неподвижно стоящий на одном месте, он вдруг немного приободрился, улыбка из измученной превратилась в нежную и легкую.

— Угу. — Наклонившись, он поцеловал Сюй Ю в уголок рта. Щеки юноши залились румянцем, таким привлекательным, что Фан Шоян не удержался и вновь привлек к себе возлюбленного, крепко того поцеловав. Сюй Ю не сопротивился. Прикрыл глаза и позволил углубить поцелуй. Лишь спустя несколько минут, Фан Шоян выпустил юного любовника из горячего плена. Щеки Сюй Ю пылали, приобрели цвет налитой соками вишни. Жаль, но сейчас не время заниматься сближением. У них еще будет время на любовь.

Сюй Ю тоже прекрасно это понимал, поэтому поспешил покинуть покои возлюбленного. После его ухода наследник форта приказал одному из стражей, пригласить для беседы Чжоу Хуань. Некогда властная госпожа элитного форта мира цзянху, растеряла былое величие. Во взгляде больше не читалось вызова, настроение взгляда стало ровным, глубоким, как небольшой, но очень глубокий водоем. Вид побежденной собственными демонами матери немало опечалил Фан Шояна.

— Мама, ты все же пришла, — молодой человек попытался выдать улыбку, но у него ничего не вышло.

Один взгляд на сына заставил благородную женщину напрячься. Фан Шоян неподвижно наблюдал за тем, как госпожа форта чинно, шаг за шагом, сокращает меж ними расстояние. Когда они поравнялись, Чжоу Хуань довольно тепло улыbnулась:

— Почему ты меня позвал, что-то случилось?

Впервые видя мать настолько раздавленной, Фан Шоян растерялся. Понял, что не сможет совладать с ее чувствами, со своим откликом на них. Он невольно отвел взгляд. Чжоу Хуань тоже посмотрела в пол, но улыбка на ее устах не померкла, лишь стала более натянутой. Она все поняла и без слов.

— Просто скажи, Шоян, я смогу это вынести.

Молодой человек востепенел. Без лишних слов он понял, что матери все известно. В конце концов, женская интуиция куда острее мужской, особенно когда дело касается близких. Губы наследника дрожали, он осторожно приоткрыл рот:

— Мама... отец... он ушел.

Чжоу Хуань застыла куклой.

— Мама... ты... — Фан Шояну хотелось метать и рычать от горя.

Мгновение растянулось во времени. Чжоу Хуань потребовалось немного больше усилий, чтобы взять себя в руки. Комната погрузилась в иллюзию спокойствия, которую сопровождала тишина.

— Он... он что-нибудь оставил?

— Можно сказать и так, послание, — Фан Шоян слово в слово передал предсмертное послание отца, хоть и не понял значения фразы. Отец сказал, что в этой жизни обязан только своей жене и сыну. Он знал, что несет за них ответственность, но все равно отважился на темные, порочащие корону дела. Почему? Если он все понимал, то зачем так себя вел? Именно этот

вопрос больше всего озадачил Фан Шояна. Именно его он озвучил своей несчастной матери. И Чжоу Хуань не могла не поднять на сына несколько удивленный, но больше несчастный взгляд.

— Мама?

Голос отпрыска заставил женщину вернуться к реальности:

— Ах, Шоян.

Заметив, что Чжоу Хуань стала выглядеть еще более подавленной и задумчивой, молодой человек не удержался от вопроса:

— Ты что-то вспомнила?

— Я и правда кое-что вспомнила, — замерев, выговорила госпожа форта. — Кое-что из прошлого.

— Что? Что тогда произошло?

Чжоу Хуань огляделась, точно их могли подслушивать:

— Ты знаешь, как давно основана крепость Тяньинь?

— Лет сто назад, — пожал плечами молодой человек. — Она существует со времен моего великого деда.

Чжоу Хуань кивнула:

— Верно, в те времена моя семья Чжоу завела дружбу с семьей Фан, так что наша с твоим отцом помолвка не стала новостью.

Фан Шоян не знал, что тут можно добавить, поэтому предпочел промолчать, предпочел слушать рассказ матери.

— До женитьбы я виделась с твоим отцом всего три раза. В первый раз это случилось неожиданно, мы не знали фамилий друг друга, несмотря на то, что наши семьи состояли в тесной дружбе. Хотя, это не удивительно. В те более строгие времена к женщинам было несколько иное отношение. Мне было лишь тринадцать, никто бы не пустил меня на застолья, выходить в свет было рано, — Чжоу Хуань погрузилась в воспоминания своей ранней молодости. И Фан Шоян ей не мешал, не вздыхал, не переступал с ноги на ногу, только слушал. — В тот раз мы встретились в горах. Я со своим старшем братом отправилась на прогулку, но на нас напали горные бандиты, чужеземцы. Брат пытался нас спасти, я была ранена, но бежала, позже столкнулась с волком и когда прощалась с жизнью, появился твой отец. Он спас меня. Если бы не его вмешательство, боюсь, моя могила давно бы заросла травой.

В то время я не знала, кем является твой отец, а он не знал, что это за раненая девочка попала к нему на попечение. Мы провели на горе две ночи. У него при себе было терпкое вино, а питались мы пойманной им дичью. Второй ночью, выпив слишком много, он не стал таиться перед маленькой девочкой и кое-что мне рассказал. Тогда он еще не был столь могучим, поэтому я поверила во влияние вина на его разум, но не придавала откровениям особого значения. Он рассказывал о ситуации в своей семье. Об очень тяжелой ситуации.

— Что рассказал тебе отец, мама? — Тут же спросил Фан Шоян.

Чжоу Хуань выдержала продолжительную паузу, видимо, вспоминала:

— Что небеса несправедливы и семья Фан не должна ввязываться в столь темные дела. Он рассказывал, как тоскует по родине, что он начал забывать свое настоящее имя.

Глаза Фан Шояна широко распахнулись:

— Мама, неужели ты хочешь сказать?..

Госпожа форта покачала головой:

— Я ничего не хочу сказать. В те годы я была слишком мала и могла что-то неправильно понять. Возможно, твой отец рассказал больше, но я просто этого не запомнила. Все, что я вспомнила, ты уже услышал. А два года спустя я вновь встретилась с твоим отцом, он сильно повзрослел. Я тоже стала старше, и нас представили друг другу на приеме. Я без памяти в него влюбилась и не думала ни о чем, кроме как о предстоящем замужестве. Неаккуратные слова первой встречи не то чтобы забылись, просто я не придавала им значения. Не воспринимала их серьезным откровением. А спустя двадцать лет мы с твоим отцом серьезно поссорились, и я все ему припомнила. Но истолковала послание неверно. Я думала, что так он говорит о другой женщине.

Твой отец всегда относился ко мне с уважением. Он не мог сказать больше, поэтому не мешал мне все сильнее запутываться в этом недоразумении. Кроме того, у меня был ты, моя надежда и опора. Я вновь отложила размышления о далеких признаниях в долгий ящик. И не вспоминала их до этого момента...

Чжоу Хуань горько вздохнула:

— На этот раз твой отец оказался вовлечен в большое преступление, он решился на восстание. И сперва я этому не поверила, все казалось мне неправильным, нереальным. Я не понимала, почему он так поступил, откуда у него такие амбиции. Почему я сама все эти годы не замечала его двойной игры. И только сейчас, глубоко задумавшись, я поняла, что подсказки были на поверхности. Например, иногда, проснувшись среди ночи, я замечала, что вторая половина постели пустует, и находила твоего отца у окна. Он печально взирал на луну. И по первой я думала, что он не знает, как разрешить проблемы в крепости. Потом начала думать, что так он тоскует о женщине, другой семье, которую растит вне стен форта.

В молодости он дал мне обещание — сказал, что я буду единственной, и он никогда не приведет другую женщину в дом. Я решила, что он пытается обойти свою клятву и плохо к нему относилась. Теперь, когда я думаю об этом, то не могу не сказать — я виновата. Я в стольким перед ним виновата. Мои сомнения не позволили нам спокойно поговорить, не позволили докопаться до сути. Ведь если бы я была чуть более... он бы не... возможно, всего этого удалось избежать...

Слезы ровными дорожками стекали по щекам сильной, запутавшейся женщины. Фан Шоян смотрел на мать и чувствовал, как разрывается сердце.

— Мама...

— Это я во всем виновата, — с надрывом, очень горько вымолвила госпожа форта.

— Мама, — Фан Шоян взял руку матери, пытаясь согреть ее в своих ладонях. — Ты думаешь, что у отца были веские причины для предательства?

Чжоу Хуань, шмыгнув носом, кивнула:

— Да, теперь я так думаю. Пусть у меня есть не все ответы, пусть я многого не понимаю, теперь мне кажется, что у него было много веских для этого причин.

— Понятно, — скривил губы Фан Шоян. — Он покончил с собой, потому что не хотел втягивать в это нас...

Взгляд Чжоу Хуань похолодел:

— Твой отец сказала, что тоскует по родине. Боюсь, семья твоего отца... думаю, она не принадлежит нашей династии. Пусть я не уверена в семье Фан, клан Чжоу точно зародился и процветал на территории империи. И если у твоего отца могли быть причины для восстания, у твоего дяди их нет, а он вовлечен в дело. Шоян, я не могу позволить брату разрушить семью Чжоу!

— Что ты собираешься делать? — поджал губы молодой наследник.

— Его Величеству известно, что семья Чжоу и форт Тяньинь не вовлечены в грязное дело, он не стал предъявлять нам обвинение, а значит, мы должны отплатить за доверие верностью. Справедливость должна восторжествовать!

— Но сейчас мы не можем собрать солдат, в крепости слишком мало людей, — тряслись кулаки Фан Шояна.

Взгляд Чжоу Хуань переместился к окну:

— У нас нет армии, зато она есть у императора.

— Мама, ты хочешь?.. — Переменился в лице молодой человек.

— В настоящее время это самый лучший для нашего положения исход. Если мы начнем открыто сотрудничать с императорским двором, то сможем удержать форт и семью Чжоу на плаву.

— Я все еще не понимаю.

— Тебе и не нужно, предоставь это дело мне.

Стоило Фан Шояну и Чжоу Хуань принять важное решение, Лун Сяюань получил секретное донесение. С минуту размышляя об услышанном, император едва заметно, по лисьи хитро улыбнулся.

— Мне и в голову ничего подобного не приходило. Какая удача. Чжоу Хуань готова стать материалом для великих свершений двора. Какая стойкая и решительная женщина.

Теневые стражи опустились перед монархом на колени, выслушивая его указания. Лун Сяюань убедился, что его поняли, после чего махнул рукой:

— Действуйте.

Глубокой ночью, пять дней спустя десять тысяч солдат окружили форт Тяньинь, десять тысяч солдат взяли в осаду крепость семьи Чжоу и еще тридцать тысяч взяли в кольцо гору Феникс. Три армии действовали слажено, одновременно.

Со стороны форта с императором сотрудничал Фан Шоян. Абсолютно преданные Фан Цюхуа люди были устранены еще несколько дней назад. Тайная стража императора вынесла из крепости порядка двухсот тел, но в целом все прошло мирно. В то же время во дворце Чжоу творился настоящий хаос. В последние дни Чжоу Хэнлян не мог связаться с Фан Цюхуа и почувствовал неладное. Также на проблемы намекало освобождение Фан Шояна. Мужчина готовился к битве, на обратной стороне горы его поджидало хорошо вооруженное, готовое внимать приказам войско. Чего Чжоу Хэнлян не ожидал, так это масштабы императорской армии. Пять тысяч готовых к сражению наемников, несмотря на свое элитное обучение и снаряжение, оказались несущественной силой перед тридцатью тысячами императорских защитников. Дом и гора оказались в полной осаде.

Десять тысяч вооруженных, готовых уничтожить все на своем пути солдат окружили крепость Чжоу. И теперь, даже будь вся семья и слуги готовы к отпору, победить такую толпу у них бы не вышло.

Чжоу Хэнлян с прищуром вглядывался в ряды императорской армии и вдруг заметил, что она расступилась. Вперед к самым воротам богатого дома прошла Чжоу Хуань в окружении верных стражей форта Тяньинь.

— Чжоу Хуань! — Стиснул зубы предатель.

— Чжоу Хэнлян, — взгляд обиженной женщины оказался куда холоднее и решительнее, чем у брата. — Ты знаешь, в чем твоя вина, как думаешь, ты все еще достоин защиты предков?

— Сяомэй, что здесь происходит? — На дворовую площадь вышла вся семья Чжоу. Чжоу Хуань росла младшей дочерью, за что заслужила свое ласковое прозвище. И теперь, услышав его из уст престарелой матери, собралась с силами.

— Матушка, тебе следует знать. Дагэ затеял мятеж против короны. И потерпел поражение.

— Что?! Восстание? — Округлились глаза пожилой дамы. Несчастливая так переволновалась, что лишилась чувств.

— Ах ты ублюдок! Неверный сын! — Взревел старик Чжоу. Он и думать боялся о том, что его неблагодарный отпрыск способен на нечто подобное.

— Тетушка, поймите, мы с отцом делаем все для блага семьи! — Взял слово сын Хэнляна — Чжоу Тайжун. — Тетушка, вы выступаете против своей семьи?

Госпожа форта Тяньинь едва не воспламенилась от гнева:

— Ради блага семьи Чжоу? Ты знаешь, что за мятеж полагается казнь до девятого колена? И это называешь благом? Репутация нашей семьи в цзянху всегда была высокой, мы могли жить и ни о чем не беспокоиться, а вы вовлекли нашу семью в такую беду. Хотите, чтобы нашу семью казнили? Вырезали весь наш род? Это, по-вашему, благо?

Чжоу Тайжун типичный представитель второго поколения богатой семьи. Узнав, чем грозит его признание, мальчишка перепугался.

— Если мы добьемся успеха, наше положение станет выше, а богатства не смогут растратить даже правнуки! — Выкрикнул Чжоу Хэнлян.

Чжоу Хуань зло рассмеялась:

— Дагэ, и почему я не раньше не знала, что ты такой мечтатель? Ты так уверен в своем успехе? Неужели не думал, что тебя могут разоблачить?

— Почета и богатства нельзя добиться без риска, — непоколебимо парировал Чжоу Хэнлян.

— Ублюдок! — Выкрикнул старик Чжоу и ударил недоноска по лицу.

— Отец... — Пошатнулся предатель.

— Почет и богатство? А спросил ты у нас, у своей матери или у меня, нужны ли они нам?!

Чжоу Хэнлян потерял дар речи, а во взгляде Чжоу Хуань промелькнула глубокая печаль, но женщина быстро взяла себя в руки. Она все для себя решила.

— Дагэ, ты так хотел славы и богатства, что забыл о мире и спокойствии. Ты когда-нибудь думал, что будет с остальными, пока ты добиваешься своего? Ты чересчур эгоистичен. Использовал нашу семью, поставил ее на кон в угоду своих желаний!

Поддерживая дочь, старейшина Чжоу напал на сына. Предатель лишь не мгновение растерялся, после чего пошел против отца. Никто не ожидал от него такого неповиновения. Старейшина был признанным воином с глубокой внутренней силой, но то было давно, теперь он стар, а сын амбициозен и молод. Никто не думал, что Чжоу Хэнлян опустится до того, чтобы не только ударить отца в грудь, но и захватить его в плен.

— Быстро отойдите от ворот! — Выкрикнул Чжоу Хэнлян. — Немедленно! Иначе я его убью!

Чжоу Хуань неверящим взглядом посмотрела на брата:

— Он ведь твой отец...

— И что? — Скривилось лицо старшего сына и наследника семьи. — Повторяю! Немедленно отойдите! Дайте мне уйти, иначе он умрет!

— Отцеубийца! Мятежный ублюдок! — Гневно прорычал старик Чжоу, сплевывая кровь.

— Отпусти отца! — Не сдержалась и повысила голос Чжоу Хуань.

— Отец, заведи меня с собой! — Взмолился Чжоу Тайжун.

Предатель не обратил на отпрыска внимания. Угрожая старейшине, он подпрыгнул и устремился прочь из дворца. И в этот момент старик извернулся и нанес удар по груди неблагодарного мальчишки. Чжоу Хэнлян попытался защититься. Завязалась драка. Удары оказались мощными, смертельными. Старейшина в какой-то момент не выдержал и свалился на землю. В то же мгновение императорское войско взметнулось за Чжоу Хэнляном и захватило его в плен.

Меньше чем через полчаса дом семьи Чжоу был обыскан, а все предатели были захвачены и уведены. Несчастливого старейшину уложили на мягкие подушки.

— Отец, — плакала Чжоу Хуань в его комнате. Супруга умирающего давно очнулась и теперь заливалась слезами даже больше дочери.

— Мой господин, не оставляй меня, — горько взывала старуха Чжоу.

Престарелый мастер кашлянул кровью:

— Мятежный ублюдок, неблагодарный сын...

Смахнув слезы, Чжоу Хуань взяла отца за руку:

— Ты сделал все что мог, ты поступил правильно.

— Знаю, — вяло качнул головой старик, — жаль, что я не смог сделать больше. Сяомэй обещаю, что не позволю нашей семье кануть в Лету, восстанови наше доброе имя. В будущем, пусть один из детей Шояна станет наследником нашего дома. Пусть возьмет фамилию Чжоу. Обещай!

Чжоу Хуань потупила взгляд, и старик крепче сжал ее руку:

— Обещай мне, сяомэй.

Как могла она отказать умирающему:

— Конечно, отец. Я обещаю.

Сердце старика Чжоу, наконец-то, успокоилось, и он навечно закрыл глаза.

— Отец!

— Мой господин!

В семье Чжоу наступило время траура. А в это время войско под горой исполнило свою задачу. Без Фан Цюхуа и Чжоу Хэнляна наемники растерялись.

— Сдавайтесь, и мы никого не уьем, — выдвинул требование генерал Чао Чжун. Жаль, что никто не внял его словам, многие предпочли сражаться до смерти. Некоторые покончили жизнь самоубийством. Поднялся хаос, но императорское войско было готово, и вскоре гора Феникса была взята под контроль.

<http://bllate.org/book/14215/1253535>